

РАНИЦА МЕЖДУ МИРАМИ

ВЕЛИЕВА ЕКАТЕРИНА

Екатерина Велиева

«Граница между мирами»

«Автор»

2026

Велиева Е. И.

«Граница между мирами» / Е. И. Велиева — «Автор», 2026

«Граница между мирами» — городское фэнтези о хрупкой линии между миром людей и тьмой, что жаждет её прорвать. Лиза, юная хранительница с бабушкиным медальоном, узнаёт, что её сила — не в мощи, а в умении слышать город и набрасывать на хаос «вуаль тишины». Вместе с друзьями — цветочницей Ниной, стариком Григорием Петровичем, библиотекаршей Асей и верным Артёмом — она собирает круг хранителей: каждый приносит свой якорь (камень, травы, страницу с символами, кристалл), и совместным ритуалом они укрепляют границу, заставляя сам город встать на защиту. Но победа — лишь начало: сон Лизы предвещает новые испытания, а слова существа в тёмном пальто звучат как предупреждение — «Граница — это не конец дороги. Это её начало». История о том, как смелость и верность становятся настоящей магией.

© Велиева Е. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Предисловие.	6
1.	7
2.	8
3.	9
Глава 2.	10
1.	10
2.	12
3.	14
Глава 3.	16
1.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Екатерина Велиева

«Граница между мирами»

Глава 1

Предисловие.

К своим тридцати годам Лиза начинает понимать: её «интуиция» — это не просто предчувствия...

1.

Лиза не любила пустые квартиры. Не потому, что боялась тишины — тишина была ей знакома. А потому, что в тишине становилось слышно лишнее. Сегодня лишнее было особенно громким. Она стояла посреди гостиной, держа в руках коробку с книгами, которую так и не распаковала. В углу, где сходились две стены, воздух будто дрожал, как над горячим асфальтом. Только дрожал он не вверх, а внутрь — будто кто-то тянул реальность в себя. Лиза моргнула. Дрожь исчезла. «Это просто усталость», — сказала она вслух, чтобы услышать собственный голос. Голос прозвучал нормально. Значит, она не сошла с ума. Или сошла, но не до конца. Она сделала шаг вперёд, и в тот же момент в зеркале над комодом мелькнуло движение — не её отражение. Что-то тёмное, с длинными пальцами, скользнуло по стеклу и пропало. Лиза замерла. Сердце ударило один раз — медленно и тяжело, как будто проверяя, выдержит ли. Потом она услышала шёпот. Не слова. Просто звук, похожий на то, как ветер шевелит сухие листья. Только ветер был внутри.

— Кто здесь? — спросила Лиза, хотя знала, что никто не ответит.

Тишина ответила ей. И в этой тишине Лиза поняла: она больше не одна.

2.

Лиза замерла, и в этот миг время будто треснуло: секунды потянулись, как густая смола, цепляясь за каждый нерв. Сущность не исчезла. Она не дёргалась, не шипела, не металась по стеклу — она просто *смотрела*. В её взгляде не было ярости. Было что-то хуже: холодное, терпеливое знание, будто она уже видела Лизу тысячу раз — и знала, что Лиза всё равно сделает неверный шаг. Лиза сжала пальцы так, что ногти впились в ладони. Боль была хорошей — настоящей. Она цеплялась за неё, как за якорь.

— Ты... не можешь быть настоящей, — прошептала она, и собственный голос прозвучал жалко, слишком тихо, будто боялся потревожить эту неправильную тишину.

Сущность чуть наклонила голову — движение вышло неестественно плавным, будто шея не имела костей. И тогда Лиза заметила: отражение не повторяло её. Она стояла ровно, а эта тварь в зеркале чуть склонялась, изучая. «Это не отражение, — вдруг поняла Лиза. — Это окно». Она попятилась, не отрывая взгляда, будто если моргнёт — сущность шагнёт прямо из стекла. Шаг, ещё шаг. Зеркало висело над комодом, старое, в потемневшей раме, и сейчас его поверхность казалась не стеклом, а тёмной водой, в которой что-то медленно кружило. И тут сущность улыбнулась. Не ртом — изгибом тьмы, который сложился в подобие улыбки. И в этом жесте Лиза увидела не угрозу, а приглашение: «Ты видишь меня. Значит, ты готова». Сердце колотилось где-то в горле, перекрывая дыхание. Лиза схватила со стола тяжёлую керамическую чашку — единственное, что попало под руку, — и, не думая, швырнула в зеркало. Чашка ударилась о стекло с глухим стуком — и не разбила его. Просто упала на пол, звякнув, как будто сама удивилась своей бесполезности. Тишина стала громче. Сущность всё ещё смотрела. А потом Лиза услышала это — не ушами, а где-то внутри черепа, как вибрацию, которая пробирается под кожу: «*Ты долго пряталась. Но прятки кончились*». Слова не прозвучали вслух. Они родились прямо в мыслях, чужие и липкие, как паутина. Лиза отшатнулась, прижимая ладони к вискам, будто могла выдавить этот голос.

— Нет! — выкрикнула она, и крик эхом ударил по комнате, прогоняя часть оцепенения. — Уходи!

И впервые в её голосе прозвучало не отчаяние, а приказ. Сила мысли, которую она ещё не умела называть силой, вдруг шевельнулась внутри — как резкий порыв ветра, который срывает ставни. Сущность на мгновение дрогнула. Её очертания смазались, будто по воде провели ладонью. И в эту долю секунды Лиза поняла: она может влиять. Она может отталкивать. Но затем тьма снова собралась в чёткую форму. Сущность покачала головой — почти сочувственно.

«*Ты только начинаешь. А я здесь давно*».

3.

Лиза попятилась к двери, не сводя глаз с зеркала. Рука нашарила ручку, пальцы скользнули, не попадая. Она сжала её крепче, до хруста в суставах. Ещё один шаг. Ещё. И когда она, наконец, рванула дверь на себя, в последний миг ей показалось, что в зеркале мелькнуло не чужое лицо — а её собственное, только старше, измученное, будто из будущего, которое уже знало, какой дорогой ей придётся идти. Лиза рванула дверь на себя, выскочила в коридор, не замечая, как щёлкнула за спиной защёлка — будто сама квартира хотела её удержать. Лестница пахла пылью и старым деревом, ступени под ногами дрожали, как живые. Она не думала, куда бежит — просто прочь, туда, где есть свет и люди, где не бывает тишины, в которой слышно лишнее.

На улице воздух ударил холодом по щекам, и это было как пощёчина — резкая, отрезвляющая. Лиза глотала его жадно, будто пыталась выдуть из себя тот липкий голос, что звучал в голове. Она бежала мимо тусклых фонарей, мимо закрытых ларьков, мимо редких прохожих, которые смотрели на неё с любопытством или равнодушием — и в этом равнодушии было спасение: никто не видел в ней ничего странного. А потом впереди показался храм — не огромный, не парадный, а тихий, приземистый, с тёмным куполом, будто прижатый к небу. Свет из окон лился ровно, без мигания, и Лиза пошла на него, как на маяк. Внутри было прохладно и тихо — но это была правильная тишина. Не та, что шепчет, а та, что держит. Пахло воском, старым деревом и чуть-чуть — ладаном, терпким и знакомым с детства. Лиза остановилась у порога, чувствуя, как дрожь медленно сползает с плеч, как пальцы перестают быть ледяными. Она прошла вперёд, не зная, куда именно, и остановилась перед иконой — просто потому, что там было спокойно. Постояла, глядя на строгий лик, и вдруг поняла: она не молится. Она просто дышит. И этого достаточно. Постепенно мысли перестали метаться, как испуганные птицы. Лиза опустила руки, расправила плечи и впервые за вечер смогла подумать не «что со мной», а «что сейчас». И тогда пришло самое простое объяснение — такое удобное, такое человеческое, что она почти рассмеялась сквозь слёзы: «Этого не было. Просто не было. Я не спала несколько ночей. Я только переехала в этот город, в эту квартиру, которая досталась мне от двоюродной бабушки. Квартира старая, пахнет пылью, стены помнят чужие голоса, вот мне и мерещится всякое. Усталость делает из теней чудовищ, а из тишины — шёпот». Лиза провела ладонью по лицу, стирая остатки страха, и улыбнулась — криво, устало, но искренне. «Я просто устала», — повторила она про себя, и слова легли ровно, как кирпичики в стену. Стена получилась тонкая, но сейчас её хватало. Она огляделась: в храме было пусто, только у свечного ящика стояла пожилая женщина в тёмном платке. Она посмотрела на Лизу: — не с осуждением, не с любопытством, а просто по-человечески, с тихой внимательностью.

— Тебе бы чаю горячего, — сказала женщина мягко. — Или воды. Тут у нас тихо. Посиди.

Лиза кивнула, не доверяя голосу, и села на скамью у стены. Женщина принесла стакан воды, поставила рядом, села чуть поодаль — не навязываясь, просто оставаясь рядом. И в этой тишине, среди старых стен и ровного света, Лиза впервые за долгое время почувствовала, что мир снова стал обычным. Тяжёлым, сложным, но понятным. Без сущностей. Без голосов. Только она, усталость и новый город, к которому ещё предстоит привыкнуть.

Глава 2.

1.

Лиза стояла посреди комнаты и оглядывала своё маленькое царство — после ремонта квартира будто вздохнула свободнее. Потёртая мебель осталась, но свежие обои приглушённого бежевого оттенка и новая лампочка в прихожей сделали пространство не таким чужим. Только зеркало над комодом так и висело в своей старой тёмной оправе — с витыми узорами и тусклым стеклом, в котором мир всегда отражался чуть искажённым. Выкинуть его не поднялась рука: в этой вещи чувствовалась история, будто она хранила чьи-то давние секреты. Да и тот странный случай, связанный с зеркалом, потихоньку стирался из памяти, становясь похожим на обрывок тяжёлого сна.

Жизнь понемногу налаживалась. Лиза устроилась в цветочный магазин «Утренний свет» — он был в двух минутах ходьбы от дома, и это оказалось настоящей удачей. Хозяйка, Нина Сергеевна, оказалась женщиной строгой, но справедливой: не задавала лишних вопросов, но каждый день приносила с собой ощущение порядка. А для Лизы сейчас именно порядок был важнее всего. В тот вечер усталость навалилась так, что даже сил раздеться не осталось. Лиза просто рухнула на кровать прямо в одежде, едва успев подумать, что завтра надо будет пораньше встать и подрезать стебли у новых хризантем. Глаза закрылись сами собой, но сон не шёл — или шёл, но совсем не такой, каким должен быть. Сначала это был просто свет — тонкая полоска бледно-голубого сияния, скользнувшая по полу из угла комнаты. Лиза приподнялась на локте, вглядываясь в темноту, и тут же пожалела об этом. Свет исходил от зеркала. Его поверхность будто ожила: по стеклу бежали тонкие прожилки, как трещины, наполненные светом, а в глубине мелькали неясные силуэты. А потом пришёл шёпот. Он не звучал словами — скорее, это были обрывки звуков, похожие на дыхание ветра в пустом доме, только гораздо ближе. Лиза ясно слышала его, чувствовала каждой клеточкой тела, как будто воздух вокруг стал густым и колючим. Тени метались вокруг кровати, касаясь кожи ледяными пальцами, и время будто застыло. Страх сковал горло, не давая даже закричать. Не соображая, что делает, Лиза натянула одеяло на голову, прячась от этого кошмара. Но под тканью было светлее, чем должно быть в тёмной комнате. Она замерла, прислушиваясь к собственному дыханию, и вдруг поняла: свет шёл не извне. Он пробивался сквозь ткань, мягкий и ровный. Лиза просунула руку под воротник и нащупала медальон. Он светился ровным голубым сиянием, словно внутри него зажглась маленькая звезда. Тепло от него растекалось по коже, и именно это тепло, казалось, удерживало тени на расстоянии. Они метались, шипели, но не могли приблизиться. Когда первые лучи рассвета пробрались в комнату, сияние медальона стало тускнеть, а тени растворились в зеркале, будто их никогда и не было. Стекло снова стало просто старым зеркалом — потускневшим, с лёгкой рябью на поверхности. Лиза села на кровати, всё ещё в той же одежде, и медленно опустила ноги на пол. Пальцы дрожали, когда она коснулась медальона — он был тёплым, но уже не светился. И тут её накрыло осознание: она не спала. Ни минуты. Это было наяву. На кухне Лиза машинально поставила чайник, двигалась как во сне, но мысли неслись бешеным потоком. «Это не усталость. Не нервы. Не галлюцинации». Она вспомнила, как оттолкнула страх одной только мыслью, как медальон будто стал щитом. И ещё она вспомнила тетрадь, которую нашла в ящике комода в первый день. Тогда она не придавала значения выцветшим строчкам, а теперь они встали перед глазами, как предупреждение:

«Не смотри долго. Не зови. И никогда не снимай то, что досталось тебе по крови».

Лиза вернулась в комнату и остановилась перед зеркалом. В его глубине больше не было ни света, ни теней — только её собственное отражение: бледное, с тёмными кругами под гла-

зами, но в нём уже не было прежней растерянности. Теперь в нём читалось другое — решимость.

— Ладно, — тихо сказала Лиза своему отражению, будто бросая вызов тишине квартиры. — Если ты хочешь, чтобы я всё поняла, давай без загадок. Расскажи хоть что-нибудь.

Зеркало промолчало. Но в тот момент Лиза вдруг заметила, что на тёмной оправе, почти у самого края, есть крошечная гравировка — не узор, а буквы. Она наклонилась ближе, прищурилась. Там было выведено тонкими линиями: *«Смотри сердцем, а не глазами»*. Лиза провела пальцем по буквам, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Теперь она знала: зеркало не просто хранило секреты. Оно ждало, когда она будет готова их услышать.

2.

Сборы на работу шли на автомате: умыться, натянуть свитер, заплести волосы в небрежный хвост. В зеркале над раковиной она мельком увидела своё отражение — бледное, с тёмными кругами под глазами, и тут же отвернулась. Зеркало в ванной было обычным, простым, без витых оправ и тайн. От этого становилось чуть спокойнее.

По дороге в «Утренний свет» Лиза то и дело оглядывалась: ей казалось, что из подворотен за ней следят тени, что в каждом тёмном углу прячется что-то, ждущее своего часа. Но стоило ей войти в магазин, как запах свежих цветов — смесь влажной зелени, роз и хризантем — немного вернул её в реальность. Здесь всё было понятно: вода в вёдрах, коробки с поставками, расписание полива, ценники, которые надо было переписать. Нина Сергеевна стояла у прилавка и пересчитывала сдачу, когда Лиза вошла. Подняла глаза, прищурилась, будто сканируя её одним быстрым взглядом.

— Ты сегодня будто сквозь стену прошла, — сказала она без упрёка, скорее с заботой. — Бледная, глаза как у загнанного котёнка. Всю ночь не спала?

Лиза хотела привычно отмахнуться: «Просто устала», «Много дел», «Переезд выматывает». Но слова застряли в горле. Ей вдруг отчаянно захотелось, чтобы кто-то взрослый, спокойный и разумный сказал: «Да, тебе показалось, это просто нервы, всё хорошо». И она выпалила всё подряд — про зеркало, про свет, про шёпот, про тени, метавшиеся вокруг кровати, про сияние медальона, которое не давало им приблизиться. Говорила сбивчиво, глотая окончания, то понижая голос, будто боялась, что её услышат, то, наоборот, торопилась выложить всё, пока не передумала. Нина Сергеевна слушала, не перебивая. Только брови чуть сошлись к переносице, а пальцы машинально разглаживали край фартука. Когда Лиза замолчала, повисла короткая тишина, в которой слышно было только, как капает вода из крана в подсобке.

— Ох, Лизонька... — Нина Сергеевна вздохнула и покачала головой. — Ну и сны тебе снятся. Прямо кино какое-то.

Лиза сжала кулаки, чувствуя, как внутри поднимается обида пополам с отчаянием.

— Но я не спала! — почти выкрикнула она, а потом тут же понизила голос, словно испугавшись собственной громкости. — Я точно знаю, что не спала. Время застыло. Я чувствовала их...

Нина Сергеевна обошла прилавок, подошла ближе и положила тёплую, чуть шершавую ладонь Лизе на плечо. Её взгляд был спокойным, почти будничным, будто она утешала ребёнка, которому приснился монстр под кроватью.

— Бывает такое, деточка. Когда переезжаешь, когда всё чужое, когда спишь на новом месте — мозг так выкручивает, что сам себе веришь. Это не слабость, это просто нервная система кричит: «Мне тяжело!». Ты сейчас на взводе, вот и мерещится всякое.

Лиза смотрела на неё, и в груди всё сжималось от того, насколько искренне и по-доброму это звучало. И от того, как сильно это не совпадало с тем, что она пережила.

— А медальон? — тихо спросила Лиза. — Он светился. Я видела.

— Может, отблеск какой-то был, может, луна так легла, может, тебе просто хотелось увидеть свет. Знаешь, когда вокруг темно, мы сами зажигаем огоньки там, где их нет.

Лиза закусила губу. Ей хотелось спорить, доказывать, трясти Нину Сергеевну за плечи и кричать: «Посмотри на меня! Я не сошла с ума!». Но в глазах хозяйки магазина не было насмешки, только тихая, усталая забота. И Лиза поняла, что спорить бесполезно. Нина Сергеевна хотела её защитить, просто делала это по-своему.

— Если тебе так страшно, давай сделаем по-простому, — продолжила Нина Сергеевна, убирая прядь волос, выбившуюся из Лизиного хвоста, за ухо. — Квартиру надо освятить. Это успокаивает, даже если не веришь особо — просто чувствуешь, что дом под защитой. И зер-

кало это старое выкинь. Оно тяжёлое, мрачное, висело там сто лет, кто знает, сколько чужих взглядов оно видело. Пусть уйдёт, и тебе легче станет.

Лиза кивнула, потому что кивать было проще, чем снова пытаться объяснить то, что сама до конца не понимала. Но про себя она подумала: «Медальон я не сниму. А зеркало... с зеркалом я ещё разберусь».

День пошёл своим чередом. Лиза подрезала стебли, расставляла букеты, помогала покупателям выбирать цветы для мамы, для девушки, для поминок. Рутинная обволакивала, как тёплый плед, и на короткие минуты страх отступал. Но стоило магазину опустеть и наступить тишине между потоками клиентов, как в голове снова всплывали обрывки прошлой ночи: шёпот, холод, голубое сияние под одеялом. В какой-то момент Лиза поймала себя на том, что смотрит на стеклянную витрину и пытается разглядеть в её отражении не себя, а что-то ещё — намёк на движение, тень, искру. Она резко отвернулась, схватила ведро и принялась мыть пол, нарочно громко шурша тряпкой, чтобы заглушить собственные мысли. Ближе к вечеру Нина Сергеевна подошла к ней, держа в руках кружку горячего чая с лимоном.

— На, попей. У тебя руки холодные.

Лиза обхватила кружку ладонями, чувствуя, как тепло медленно пробирается внутрь.

— Спасибо, — прошептала она.

— Не думай, что я тебе не верю, — тихо сказала Нина Сергеевна, присаживаясь на край табурета. — Я верю, что тебе было страшно. И это самое главное. Остальное... остальное мы потихоньку разложим по полочкам. А пока давай так: сегодня ты придёшь домой, выпьешь чаю, ляжешь пораньше. А насчёт квартиры и зеркала мы ещё подумаем, ладно? Не надо ничего рушить в панике.

Лиза снова кивнула. На этот раз в её кивке было не столько согласие, сколько благодарность за то, что её страх не высмеяли, а просто приняли как факт: «Тебе было страшно — я рядом». Когда Лиза закрывала дверь магазина, провожая последнего покупателя, небо уже темнело, зажигались фонари, и длинные тени ложились на тротуар. Лиза остановилась на пороге, вглядываясь в сумерки. Медальон под свитером снова чуть потеплел, как будто шепнул: «Я здесь». Она глубоко вдохнула прохладный воздух, расправила плечи и шагнула вперёд. Да, Нина Сергеевна думает, что это был сон. Да, она советует выкинуть зеркало и освятить квартиру. И, может быть, для кого-то этого было бы достаточно. Но Лиза знала: она не спала. И пока медальон греет её кожу, она будет искать ответы — даже если придётся смотреть в глаза собственным страхам.

3.

Лиза лежала на кровати, уставившись в потолок, где старая лепнина складывалась в причудливые узоры. В комнате было тихо — только где-то в подъезде хлопнула дверь, и звук прокатился по лестничной клетке, как далёкий раскат грома. Она не разделась, только стянула ботинки и теперь сжимала в пальцах медальон, будто он был якорем, который не давал ей уплыть в собственный страх. И тут, среди всех этих мыслей о тенях, о шёпоте, о голубом свете, в голове всплыло вдруг совсем простое, почти бытовое: медальон ей достался от бабушки. А той — от её бабушки. Семейная реликвия, которую передавали «на счастье», когда девушке исполнялось восемнадцать. Только бабушка тогда шепнула, чуть наклонившись к Лизе, так, чтобы никто не услышал: «Не снимай его, если станет не по себе. Он помнит больше, чем мы». Лиза тогда улыбнулась, приняла украшение как красивую вещь с историей и забыла про эти слова на долгие годы. До тридцати она жила самую обычную жизнь: училась, работала, ссорилась и мирилась, строила планы и откладывала их, влюблялась и разочаровывалась. Всё как у всех. Никаких чудес, никаких предзнаменований. А потом, ровно после дня рождения, всё потихоньку начало меняться. Сначала это были мелочи, которым она не придавала значения. Лиза злилась на коллегу, который подставил её перед начальством, и в сердцах думала: «Хоть бы он сам оказался в такой же ситуации!» — и уже через два дня тот же коллега попал в точно такую же ловушку, причём по собственной ошибке. Лиза тогда только плечами пожала: совпадение. Но потом совпадений стало слишком много. Она могла подумать: «Хоть бы дождь перестал, сил нет мокнуть», — и тучи расходились прямо над её маршрутом. Или, уставшая после смены, шептала: «Хоть бы никто не звонил до утра», — и телефон молчал, хотя обычно в это время сыпались сообщения. Сначала это казалось почти приятным: будто у неё появилась маленькая суперсила. Но потом сила стала оборачиваться против неё. Особенно когда Лиза злилась. В такие моменты её мысли будто обретали вес и скорость: стоило ей в сердцах пожелать кому-то неприятностей, как вскоре узнавала, что с этим человеком действительно случилось что-то неприятное. Не катастрофическое, но болезненное: сорвалась сделка, сломалась машина, заболел ребёнок. И каждый раз Лиза ловила себя на мысли: «Это не может быть случайностью». А ночью начались кошмары. Они были не про чудовищ и не про погони, а про зеркала: в них отражалось не её лицо, а чьи-то чужие, искажённые, будто слепленные из дыма. Иногда ей снилось, что она стоит перед зеркалом, а из глубины стекла к ней тянутся тени, и она чувствует их холод даже сквозь сон. Просыпалась Лиза в холодном поту, с колотящимся сердцем, и долго сидела на краю кровати, прислушиваясь к тишине квартиры. Потом тени начали появляться и наяву. Сначала как намёки — чёрные углы, которые не рассеивались при свете, движения на границе зрения, которые исчезали, стоило повернуть голову. Потом — шёпот. Тихий, неразборчивый, будто кто-то звал её по имени, но так тихо, что казалось, будто звук рождается прямо у неё в голове. И самое страшное: никто этого не слышал. Лиза спрашивала у соседки по лестничной площадке: «Ты ничего не слышала?» — а та только качала головой: «Тишина, Лизочка, ты, наверное, устала». Она пыталась найти объяснение в интернете, читала статьи про стресс, панические атаки, сонный паралич, даже про электромагнитные поля. Но ни одно объяснение не укладывалось в то, что она чувствовала каждой клеточкой: это было не в её голове. Это было снаружи. И вот теперь, лёжа на кровати в своей старой квартире, Лиза впервые собрала все эти кусочки в одну картину. Медальон. Наследство. Возраст — ровно тридцать лет. Странные совпадения, которые перестали быть совпадениями. Тени. Шёпот. Свет.

«Это началось не здесь, — подумала Лиза, поглаживая пальцами узор на крышке медальона. — Это началось со мной. А квартира, зеркало, переезд — всё это просто открыло дверь шире».

Ей вдруг вспомнились слова из тетради: *«Никогда не снимай то, что досталось тебе по крови»*. Раньше она думала, что это просто суеверие, бабушкины наставления, чтобы вещь не потерялась. Теперь эти слова звучали как предупреждение. Лиза села на кровати и посмотрела на зеркало. Оно висело над комодом, тёмное, тяжёлое, с витыми узорами, которые теперь казались ей не украшением, а чем-то вроде печати. В стекле не было ни света, ни теней — только её собственное отражение: усталое, испуганное, но в нём уже не было растерянности, которая сковывала её раньше.

— Ладно, — тихо сказала Лиза, будто обращаясь и к себе, и к зеркалу, и ко всем тем невидимым силам, что кружили вокруг неё. — Если это моё, если это во мне, значит, я должна научиться с этим жить. Или хотя бы понять, как это остановить.

Она встала, подошла к комоду и достала ту самую тетрадь. Села на пол, прислонившись спиной к стене, и начала листать пожелтевшие страницы. Там не было длинных историй, только короткие фразы, будто заметки на полях:

«Сила приходит с возрастом. Не зови её. Не гневи её. Держи мысли при себе, пока не научишься их сдерживать». *«Зеркало — не окно, а граница. Не смотри долго, иначе граница истончится».* *«Медальон — печать и щит. Пока он на тебе, ты защищена, но и ты связана».*

Лиза читала и чувствовала, как страх постепенно смешивается с другим чувством — с решимостью. Это не было безумием. Это было наследием. Тяжёлым, пугающим, но её собственным. В этот момент медальон снова чуть потеплел, будто одобряя её мысли. Лиза закрыла тетрадь, аккуратно положила её обратно в ящик и встала. Она не знала, что ждёт её дальше, но знала одно: она больше не будет прятаться под одеялом и надеяться, что всё исчезнет. Она начнёт искать ответы. Даже если для этого придётся заглянуть в зеркало чуть дольше, чем советуют старые записи.

Глава 3.

1.

Лиза всё чаще ловила себя на том, что тянет руку к медальону, будто проверяя: на месте ли он, греет ли кожу. После той ночи, когда тени метались вокруг кровати, она почти не выпускала из головы слова из тетради: *«Не снимай то, что досталось тебе по крови»*. Но теперь к страху примешивалось ещё и упрямство: она хотела разобраться сама, без чужих советов и освящений. Однажды вечером, вернувшись с работы, Лиза остановилась перед зеркалом. Она не хотела смотреть долго — помнила предупреждение, — но что-то тянуло её, как магнитом. Стекло было тёмным, почти непрозрачным, будто скрывало в себе густой сумрак. Лиза наклонилась чуть ближе, всматриваясь в собственные усталые глаза, и вдруг отражение поплыло, словно по воде пробежала рябь. А потом в глубине стекла появилась бабушка. Не молодая, не из старых фотографий, а такая, какой Лиза помнила её в последние годы: седые волосы, собранные в тугой пучок, строгие, но добрые глаза, тёплый вязаный платок на плечах. Она смотрела прямо на Лизу, и в её взгляде читалась тревога, от которой у Лизы похолодели пальцы.

— Не теряй бдительность, Лизонька, — голос бабушки звучал не снаружи, а будто внутри головы, мягко, но настойчиво. — Эта сила — не игрушка. Она слышит твои эмоции, особенно злость. Держи себя в руках. И не доверяй слишком быстро тем, кто появляется, когда тебе страшно. Мир любит подкидывать красивые отвлечения, чтобы ты перестала видеть опасность. Лиза хотела спросить: «Что ты имеешь в виду?», хотела крикнуть: «Объясни нормально!», но слова застряли в горле. Отражение снова дрогнуло, и бабушка исчезла, оставив после себя лишь тусклое, обычное стекло. Лиза отступила на шаг, прижимая ладонь к груди, где под одеждой тихо грел медальон. Её трясло, но не от холода — от ощущения, что она стоит на краю чего-то огромного и непонятного. На следующий день Лиза шла по тротуару, рассеянно глядя под ноги и прокручивая в голове слова бабушки. Улица была шумной: машины спешили по своим делам, кто-то громко смеялся у ларька с кофе, ветер гнал по асфальту обрывок газеты. Она так глубоко ушла в свои мысли, что не сразу услышала резкий визг тормозов. Кто-то крикнул: «Эй, осторожно!» — но Лиза успела только поднять глаза. Из переулка вынырнула машина, водитель пытался затормозить, но асфальт был скользким после дождя. Время, которое недавно застывало от страха, теперь рванулось вперёд с бешеной скоростью. Лиза сделала шаг назад, споткнулась о бордюр, и мир на мгновение перевернулся. Удар был не сильным, но достаточным, чтобы она упала, а перед глазами вспыхнули белые искры. В следующую секунду рядом уже был человек — молодой мужчина, выскочивший из машины. Он опустился на колено рядом с ней, его лицо было бледным, а в глазах читался настоящий испуг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.